

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.143.64>

БУРЯТСКИЕ ЛЕТОПИСИ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БУДДИЗМА В БУРЯТИИ

Научная статья

Бадмаева Л.Б.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-7238-366X;

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (lorabadm[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена летописным памятникам бурят, в которых нашли отражение факты из истории распространения буддийской религии в Бурятии в XVII-XIX вв. Летописи являются достоверными источниками по дореволюционной истории бурят, которые содержат сведения по истории, быту, традиционным верованиям бурят, живущих в Байкальском регионе. Бурятские летописцы писали о строительстве первых буддийских храмов, о настоятелях дацанов, о числе монастырей и храмов, количестве лам и послушников и т.д. Летописи являются памятниками письменной культуры бурят XIX – начала XX вв., а также ценными источниками исторической, культурологической, лингвистической, этнографической информации. Эти памятники содержат мощный заряд национальной памяти о своей истории, в т.ч. об истории развития буддизма в Бурятии.

Ключевые слова: бурятские летописи, старомонгольская письменность, история буддизма, источники по истории буддизма в Бурятии, памятники письменной культуры бурят.

BURYAT CHRONICLES AS SOURCES ON THE HISTORY OF BUDDHISM IN BURYATIA

Research article

Badmaeva L.B.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-7238-366X;

¹ Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

* Corresponding author (lorabadm[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to chronicles of Buryats, which reflect the facts from the history of the Buddhist religion in Buryatia in the XVII-XIX centuries. Chronicles are reliable sources on the pre-revolutionary history of Buryats, which contain information on the history, everyday life, and traditional beliefs of Buryats living in the Baikal region. Buryat chroniclers wrote about the construction of the first Buddhist temples, abbots of datsans, the number of monasteries and temples, the number of lamas and novices, etc. Chronicles are monuments of Buryat written culture of the XIX – early XX centuries, as well as valuable sources of historical, cultural, linguistic and ethnographic information. These monuments contain a powerful charge of national memory about their history, including the history of the development of Buddhism in Buryatia.

Keywords: Buryat chronicles, Old Mongolian writing, history of Buddhism, sources on the history of Buddhism in Buryatia, monuments of Buryat written culture.

Введение

Новые реалии постсоветского культурного пространства существенным образом изменили методологию гуманитарного знания, утвердив курс на развитие антропоцентрической концепции познавательной деятельности [6, С. 12-13]. Последнее предполагает изучение духовной жизни человека, его языка, традиций и обычаев, его традиционных верований и религий.

Религия в новых политических условиях советской идеологии была не просто отделена от политики, а полностью разрушена. «Тем не менее, буддизм, относительно быстро восстановившись в период реформ, вновь занял значительное место в социальной жизни монголов и тибетцев, по-прежнему оставаясь одной из важнейших составляющих национальной идентичности этих народов» [4, С. 1].

Буддийская религия, буддийская философия, буддийские принципы отношения к миру, тибетская медицина все больше привлекают внимание людей современного бурятского общества. Влияние буддизма на культуру и духовную жизнь многих народов Востока, в том числе и бурят, до сих пор остается огромным.

Среди памятников старомонгольской письменности летописи занимают исключительно важное место. Эти памятники пользовались большой популярностью среди бурятских читателей, имели хождение исключительно в рукописях. Бурятские летописи в эпоху тоталитарного режима, как и все литературное наследие бурят на старомонгольской письменности, долгое время находились в забвении, отодвинутые на задний план, более того, многие ценные памятники были варварски уничтожены.

Практическая значимость и ценность данной работы в том, что полученные результаты могут быть использованы в дальнейшей разработке данной темы. К сожалению, историки и культурологи мало используют материалы бурятских летописей в своих изысканиях из-за незнания старописьменного монгольского языка, кроме того, сохранилось еще со

времен советского периода довольно скептическое отношение к летописным памятникам бурят на монгольском письме как наследию «антинародного, феодально-теократического режима» и из-за тенденциозного отношения к имени Н.Н. Поппе, который впервые ввел в научный оборот бурятские летописи в 1935-1936 гг.

Следует отметить, что «точных сведений о количестве бурятских летописей и об их авторах пока еще не установлено, поскольку их рукописи находятся в различных архивных фондах Улан-Удэ, Иркутска, Читы, Томска, Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Батора, а также в частных коллекциях [1, С. 5-7].

В данной работе используется комплексная методика анализа текстов на монгольском письме: метод историзма, филологический анализ, лингвистическое описание, контекстно-семантический анализ.

Основные результаты

В бурятских летописях содержатся ценные сведения о времени появления первых бурятских дацанов, об их названиях. Так, в 1741 году в местности Хилганатай, на Чикое, был выстроен кошмовый храм, где устраивались богослужения. Затем в той же местности был выстроен цонгольский дацан Балдан Брэйбун по образцу тибетского монастыря. Главным ширетуюем был утвержден Дамба-Даржа Заяев [2, С. 301].

О Цугольском дацане летописец В. Юмсунов пишет следующее: «... имеется предсказание его, гласящее, что в грядущем будущем времени буряты воздвигнут, в некий период, в местности Цугол монастырь. Имя монастыря будет так наречено Даши Чойнпиллинг вследствие того, что он будет храним гением Чойжил 'царь закона'. Этот монастырь станет основой религии Будды, и польза живых существ весьма исполнится» [8, С. 53-54]. Действительно, Цугольский дацан был основан в 1831 г. Спустя почти два века главный храм, несмотря на многочисленные повреждения, поражает воображение своей гармоничностью и великолепием отделки. Цугольскому монастырю принадлежит приоритет в развитии религиозно-философской системы *цанит* и тибетской медицинской школы *манба*.

В летописных источниках имеются сведения о ширетуюях – настоятелях дацанов. О первом ширетуюе Цугольского дацана Лубсан-Дондоб Дандарове Тугултур Тобоев отмечает, что «заслугами этого ламы духовная наука Цугольского дацана получила значительное развитие. С 1845 г. в этом дацане начали впервые изучать цанит. Здесь школу цанит изучали лучшие ламы из селенгинского, хоринского, баргузинского, агинского и хамниганского дацанов».

В 1853 г. появляется важный для буддистов Сибири законодательный документ – «Положение о Буддистах Восточной Сибири. 1853 г.», который был призван регламентировать устройство и управление делами забайкальских буддистов. За основу «Положения 1853 г.» был принят проект Н.Н. Муравьева, в котором была узаконена централизация административного управления ламаистской церкви в руках одного хамбо-ламы [7, С. 30].

Это событие также отражено в летописях. Однако развитие церковной системы ламаизма в Бурятии не проходило столь гладко и однозначно: случались из-за двоевластия беспорядки и расколы между ламами из-за разных школ буддизма. Так, в бытность хамбо-ламы Содномпила Хэтурхеева, в Цонгольском дацане произошли беспорядки, и среди священнослужителей произошел раскол. Из-за притеснений со стороны главного ламы 35 лам и хувараков этого дацана в знак протеста одновременно приняли крещение и покинули дацан [9, С. 190].

Обсуждение

Следует особо отметить, что летописи, являясь одним из первых достоверных источников по дореволюционной истории бурят, содержат богатый материал по истории, быту, традиционным верованиям бурят, живущих в Байкальском регионе. В частности, в бурятских летописях много внимания уделено истории распространения буддийской религии сначала в Монголии, затем и в Бурятии. Например, о начале развития буддийской религии в монгольских степях В. Юмсунов пишет, что «в 1207 г. Чингисхан направил своего сановника в качестве посла в Тибет в местность Цзан к ламе Сакья Гунга-Нимбу с дорогими подношениями и с приглашением прибыть в Монголию. Но тот, предположив, что еще не пришло время для его миссии, не откликнулся на его приглашение. Затем в 1247 г. Годанхан – сын Угэдэй-хана, также отправил своих сановников с подношениями к Сакья пандите для его приглашения на свои земли. Тот, памятуя некогда высказанное предсказание Далай-ламы Соднам-Джамсо о том, что «... в будущем явится с севера милостынедавец в шапке, похожей на сидящего ястреба, и в сапогах, похожих на свиные рыла, что он беспрепятственно прибывает с ним туда и что тогда в весьма сильной степени будет принесена польза религии и живым существам» [8, С. 47-48], тотчас же прибыл к ним.

Согласно Саган Сэцэну, Сакья пандита прибыл в 1247 г., встретился с императором и сановниками, дал всем посвящение Хеваджра. Далее летописец пишет, что «Хубилай Сэцэн-хан пригласил Пагба-ламу Лодой-Джалцана и сделал ему большие подношения». Как известно, Пагба-лама (1235-1280) впоследствии стал наставником Хубилай-хана. В 1264 г. Хубилай-хан принял от него посвящение. Затем В. Юмсунов отмечает важное событие в истории письменности монголов: «В 1270 г. (квадратный алфавит был введен в 1269 г. – Н.П.) составил, сверх прежнего, монгольский квадратный алфавит и установил правила проповеди на нем, слушания, созерцания, приведения в исполнение и так далее. Он принес великую пользу религии и живым существам, привез из Индии умножающиеся мощи Будды и многочисленные прочие благословенные предметы почитания и основал монастыри и храмы».

Далее в хронологическом порядке освещается история распространения буддизма в монгольской империи. Интерес представляет фрагмент, в котором указывается официальная дата установления правил буддизма: «После этого великие и малые ханы Чингисова периода призывали каждый в свой век великих лам и продолжали распространять религию, а тумэтский Алтан-гэгэн-хан пригласил четвертого Далай-ламу Соднам-Джамцо, отменил заклятие множества скота и жертвенные пиршества в честь онгонов и установил в 1578 году многочисленные правила религии Будды».

До установления границ между двумя империями, из Монголии в разное время прибывали монгольские и тибетские ламы. Но массовое появление лам в этнической Бурятии отмечено в начале XVIII в. Об этом факте Ш.-Н. Хобитуев отмечает: «В то время среди селенгинских и хоринских бурят появились тибетские и монгольские ламы. В

1741 году по милости Ее Величества императрицы Елизаветы Петровны были утверждены 150 комплектных лам. Старшим среди них был утвержден цоржи-лама тангутского рода Агван-Пунцуг» [3, С. 241].

В баргузинской летописи Цыдэбжаба Сахарова (1887 г.) указано о первых моментах распространения буддийской религии среди баргузинских бурят, которые с древних времен были приверженцами шаманизма. Летописец отмечает, что в то время «по статистическим данным числится здесь до 300 душ шаманствующих, о которых нет никаких именных списков» [5, С. 70].

Ц. Сахаров пишет: «1812 on-du ɣalabnui nayiša-a Ćingkir Andari-yin üy-e-dü Baryujin-u sengdilder otuy-un qongqui-yin ayımay-un buriyad-nar qori-yin medel-ün Qudun dačang-un širegetü blam-a-yi uriju ačaraysan-du: tere anu Baryujin-du Jiryalang-tu kemekü nituy-tu budada-a-yin šasin-un angqan-u bumqan bayiyukaısan: Tegünü ecüs sengdilder otuy-un nomuli-yin ayımay-un albatu Suvang Arške-yin ber Selingge-yin medel-ün Congyol dačang-un blam-a Nimayilan-i ačaraju bögedeger budada-a-yin šasin-un noml-i sonusaıad: tegüneče qoyiři baryujin-u buriyad-nar-un dumda budada-a-yin šasin nara metü mandaqu bolba». – ‘В 1812 году во времена главного тайши Чинкира Андреева баргузинские буряты сэндилдурского рода, подрода хонхой, пригласили ширетуй-ламу Худунского дацана Хоринского ведомства, который впервые в Баргузине в местности Жаргаланта установил буддийскую часовню. После этого Суван Арашкиев, подданный из сэндилдурского рода, подрода номол, пригласил Нимайлана, ламу из Цонгольского дацана Селенгинского ведомства, и все слушали проповеди буддийского учения. С тех пор среди баргузинских бурят стала, как солнце, процветать буддийская религия’ [Перевод наш. – Л.Б.].

Далее летописец сообщает о строительстве первых дацанов, о первых ламах из среды баргузинских бурят, об обучении бурятских детей тибетской и монгольской грамоте, тибетской медицине, о приобретении тибетского канонического сочинения «Данджур» и т.д.

Как пишет Бодонгуд Абида, в 1736 г. в Цинской империи во времена хана маньчжурской династии *Тнгри Тедхугчи* был брошен призыв: «Для преумножения жизни и дарования многие лета Богдо эээн-хагану построить монастыри и часовни, для несения службы в них и чтения богослужебных книг подготовить множество лам и хуварак» [10, С. 27]. (Перевод наш - Л.Б.). По этому призыву в Монголии, которая находилась в подчинении у маньчжуров, начала усиленно распространяться буддийская религия: во многих местах были воздвигнуты буддийские монастыри, в которых служили ламы и обучались послушники.

Заключение

Таким образом, бурятские летописные памятники, сохранившие архаичные формы монгольской летописной традиции и вобравшие новые формы традиции русской исторической науки, содержат мощный заряд национальной памяти о своей истории, в т.ч. об истории развития буддизма в Бурятии. Бурятские летописи являются основой исторической памяти народа и источником формирования национальной идентичности, национального самосознания.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бадмаева Л.Б. Язык бурятских летописей / Л.Б. Бадмаева. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. — 216 с.
2. Бадмаева Л.Б. Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX в / Л.Б. Бадмаева. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. — 394 с.
3. Бадмаева Л.Б. Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят / Л.Б. Бадмаева, Г.Н. Очирова. — Улан-Удэ: Бэлиг, 2018. — 288 с.
4. Гаррии И.Р. Буддизм и национализм во Внутренней Азии / И.Р. Гаррии, Р.Т. Сабилов, Н.В. Цыремпилов [и др.] — Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2021. — 324 с.
5. Востриков А.И. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования / А.И. Востриков, Н.Н. Поппе. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. — 120 с.
6. Каган М.С. Перспективы развития гуманитарных наук в XXI веке / М.С. Каган // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. — СПб., 2001.
7. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Г.Р. Галданова, К.М. Герасимова, Д.Б. Дашиев [и др.] — Новосибирск: Наука, 1983. — 236 с.
8. Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова / Пер. Н.Н. Поппе // Труды Института востоковедения. — М.-Л., 1940. — Т. XXXIII. — 106 с.
9. Шагдаров Л.Д. Язык и стиль селенгинской летописи Д.-Ж. Ломбоцыренова «История селенгинских монголо-бурят» / Л.Д. Шагдаров, Л.Б. Бадмаева. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. — 216 с.
10. Bodongyud A. Buriyad-mongyol-un tobči teüke / A. Bodongyud. — Öbür Mongyol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1983. — 114 q.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Badmaeva L.B. Jazyk burjatskih letopisej [The language of Buryat chronicles] / L.B. Badmaeva. — Ulan-Ude: Publishing House BSC SB RAS, 2005. — 216 p. [in Russian]
2. Badmaeva L.B. Letopis' Vandana Jumsunova – pamjatnik pis'mennoj kul'tury burjat XIX v [Vandan Yumsunov's Chronicle – a monument of Buryat written culture of the XIX century] / L.B. Badmaeva. — Ulan-Ude: Publishing House BSC SB RAS, 2007. — 394 p. [in Russian]
3. Badmaeva L.B. Letopis' Sh.-N. Hobitueva kak pamjatnik pis'mennoj kul'tury burjat [Chronicle of Sh.-N. Khobituev as a monument of Buryat written culture] / L.B. Badmaeva, G.N. Ochirova. — Ulan-Ude: Bjelig, 2018. — 288 p. [in Russian]
4. Garrii I.R. Buddizm i nacionalizm vo Vnutrennej Azii [Buddhism and Nationalism in Inner Asia] / I.R. Garrii, R.T. Sabirov, N.V. Cyrempilov [et al.] — Ulan-Udje: Burjaad-Mongol Nom, 2021. — 324 p. [in Russian]
5. Vostrikov A.I. Letopis' barguzinskih burjat. Teksty i issledovanija [Chronicle of the Barguzin Buryats. Texts and research] / A.I. Vostrikov, N.N. Poppe. — Ulan-Ude: Publishing House BSC SB RAS, 2007. — 120 p. [in Russian]
6. Kagan M.S. Perspektivy razvitija gumanitarnyh nauk v XXI veke [Prospects of humanities development in the XXI century] / M.S. Kagan // Metodologija gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka [Methodology of humanitarian knowledge in the perspective of the XXI century]. — SPb., 2001. [in Russian]
7. Lamaizm v Burjatii XVIII – nachala XX veka. Struktura i social'naja rol' kul'tovoj sistemy [Lamaism in Buryatia of the XVIII – early XX centuries. Structure and social role of the cult system] / G.R. Galdanova, K.M. Gerasimova, D.B. Dashiev [et al.] — Novosibirsk: Nauka, 1983. — 236 p. [in Russian]
8. Letopisi horinskih burjat. Hroniki Tuguldur Toboeva i Vandana Jumsunova [Chronicles of the Khorin Buryats. Chronicles of Tuguldur Toboev and Vandan Yumsunov] / Transl. by N.N. Poppe // Trudy Instituta vostokovedenija [Proceedings of the Institute of Oriental Studies]. — M.-L., 1940. — Vol. XXXIII. — 106 p. [in Russian]
9. Shagdarov L.D. Jazyk i stil' selenginskoj letopisi D.-Zh. Lombocyrenova «Istorija selenginskih mongolo-burjat» [Language and style of the Selenga chronicle by D.-J. Lombotsyrenov "History of the Selenga Mongol-Buryats"] / L.D. Shagdarov, L.B. Badmaeva. — Ulan-Ude: Publishing House BSC SB RAS, 2014. — 216 p. [in Russian]
10. Bodongyud A. Buriyad-mongyol-un tobči teüke [Brief history of the Buryat-Mongols] / A. Bodongyud. — Öbür Mongyol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1983. — 114 p. [in Buryat]